

Игры и фильмы

Жран и сцена - 1998 - нояб. (№ 45) - с. 12, 13

— Сегодня кинокомпания Miramax, прокатывающая фильм в США, ведет активную кампанию по продвижению вас в номинанты на "Оскар" как лучшего актера и режиссера. Конечно, немного некорректно спрашивать об этом сегодня, но все-таки — какой приз для вас желанней?

— Любой "Оскар" почетен. Но если у меня и есть какие-то шансы, то только потому что Miramax гениально проводит "оскаровские" кампании. Хотя, не буду скрывать, я очень люблю получать премии. За фильм "Жизнь прекрасна" меня завалили премиями. У меня на родине в каждом городке есть еврейская коммуна. И каждая коммуна присуждала мне свой приз. Я люблю награды. И каждый раз, когда мне звонили из какого-нибудь городка и говорили: "Бенини, у нас для тебя приз", — я немедленно ехал и принимал награду. Но самый-самый важный приз для меня — конечно же, Приз жюри Каннского фестиваля. Этот приз значит: "Нам нравится твое кино". Безо всякой политики. Золотая пальмовая ветвь — чисто политическая премия. Она мне не подходит — слишком серьезная. А приз жюри — все

До сих пор Роберто Бенини считался типичным итальянским комедиграфом. Его новая лента, трагикомедия "Жизнь прекрасна", рассказывающая о Холокосте, изменила его статус: на протяжении 1998 года Бенини получил за нее множество премий, в том числе Приз жюри Каннского фестиваля, и сейчас его прочтат в лауреаты "Оскара".

Бенини сам написал и поставил фильм "Жизнь прекрасна", а также исполнил в нем главную мужскую роль (отдав главную женскую роль жене Николетте Браски). Он сыграл итальянского еврея Гвидо, который попадает в концлагерь вместе с маленьким сынишкой, и чтобы помочь малышу выжить, объясняет ему происходящее как необычную хитрую игру.

Сьюзен ХОУАРД

равно что цветы, которые тебе дарят после спектакля. Или как ванильное мороженое.

— Miramax рекламирует ваш фильм под лозунгом "Итальянское национальное сокровище". Вы с этим согласны?

— Это вопрос с подвохом? Нет? Дело в том, что в Италии фильм восприняли с политических позиций. Правые обвинили меня во всех смертных грехах. Они писали об идеологии и прочей чепухе, которая не имеет никакого отно-

шения к кино. В общем, наговорили про меня кучу гадостей. Но большая часть прессы очень хорошо приняла фильм.

— У вас были нелады с цензурой?

— Нет-нет, сегодня проблем с цензурой нет. Это раньше у меня были сложности. Меня даже приговорили к тюремному заключению. Но это было очень давно, в 1980 году, когда я посмеялся над папой римским в фильме "В глазу папы".

— По какой статье? Клевета?

— У нас другие законы. Папа Войтыла заявил, что люди должны совокупляться только для того, чтобы производить на свет детей. Я сказал, что в этом случае человеку придется совокупляться один-два раза за всю жизнь, и он по неопытности может сделать так, что вообще останется без потомства. И еще я назвал папу Войтылакко — это очень фамильярно и непочтительно. Власти подали на меня в суд и я проиграл дело. Ватикан потребовал, чтобы меня посадили на год в тюрьму и заставили заплатить штраф миллион лир. Тюрьму я отбыл условно.

— Вы верите в Бога?

— Да, я очень религиозный человек. Думаю, это видно по моим фильмам.

— Вы не боялись, что в случае с фильмом "Жизнь прекрасна" могут возникнуть проблемы с еврейскими коммунами?

— Меня многие отговаривали от этого проекта, и в качестве главного довода как раз упоминали возможное неприятие фильма со стороны евреев. "Вот если бы ты был евреем... А то вдруг итальянец снимает фильм о концлагерях, да еще комедию!" Конечно, мне не хотелось оскорблять чувства тех, кто выжил в Холокосте. Я дал почитать сценарий представителям еврейской общины в Милане. Они нашли стариков, которые прошли через концлагерь, и те меня проконсультировали: это было не так, и вот это произошло иначе. Кое в чем они действительно помогли. Но никто из них не мог принять идею комедии о Холокосте, и тогда я сказал себе: "Я художник, я должен доверять своему инстинкту. Пусть они судят меня после премьеры".

— И каково же было их решение?

— Знаете, я привык, чтобы люди на моих фильмах смеялись. А тут, когда в зале зажегся свет, все рыдали. Это был незабываемый момент. А потом я повез свой фильм в Иерусалим. Мне было очень страшно — ведь я показы-

